

УДК 396.6
ББК 63.5

«Когда рожать?»: вопрос чайлдфри и «позднее» материнство в русскоговорящих семьях в Израиле

Любовь Валентиновна Дерябкина

Кубанский государственный университет,
Краснодар, Россия

Соискатель кафедры всеобщей истории
и международных отношений КубГУ
ORCID: 0000-0003-3403-9264

Кубанский государственный университет
350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149
Тел.: +7(861)219-95-56
E-mail: deryabkina.liubov@gmail.com

DOI: 10.31168/2658-3356.2020.13

Аннотация: В статье пойдет речь об исследовании феномена чайлдфри в русскоговорящей общине Израиля. Решение отказаться от родительства является очень личной темой, которая требует как включенного наблюдения, так и установления с информантами доверительных взаимоотношений. Поэтому основная задача состояла в том, чтобы провести исследование среди трех-двух поколений отдельных семей и попытаться установить, какие факторы могли повлиять на решение иметь или не иметь детей (в социальном поле как стран исхода, так и Израиля). Следующей задачей было выявить возможные изменения, происходящие со старшим поколением, когда их собственные дети предпочитают позднее родительство или вовсе отказываются от деторождения.

Ключевые слова: *гендер, чайлдфри, Израиль, феминизм, сообщество*

В последние несколько десятилетий изменяется понимание традиционных гендерных ролей, трансформируется и переосмыляется отношение к материнству и родительству как таковому. В связи с расширением глобального информационного пространства и продвижением равенства между полами на международном уровне происходит давление на те государства, которые заявляют, что они

выступают за демократизацию и права человека, но не желают предпринимать реальных действий по улучшению положения дискриминируемых групп на своей территории. Например, Израиль ратифицировал международную Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979) лишь 12 лет спустя, причем с рядом оговорок. Это говорит о декларативности демократических принципов в государстве. Поэтому правительства, обеспокоенные сохранением собственной репутации, стараются поддерживать основные программы по преодолению гендерного неравенства в своих странах. Израиль именно такое государство. Он вступил в Организацию Объединенных наций в 1949 г. и позиционирует себя как единственное демократическое государство на Ближнем Востоке. Однако соблюдение прав человека и гражданских законов в стране находятся под юрисдикцией религиозных институтов, что затрудняет соблюдение всех правовых норм, таких как право на возможность вступать в брак между представителями различных конфессий или людьми, которые принципиально придерживаются атеистических взглядов. Главенство религиозных институтов при построении правовой системы было связано с идеологическим обоснованием создания страны «как еврейского государства», статус которого был подтвержден непрерывностью иудейского присутствия на территории Эрец-Исраэль, а также наследием османских законов, смягченных элементами британской правовой системы в период, предшествующий созданию страны. Гражданское законодательство закреплено основными законами, в которых говорится, что семейно-брачные отношения определяются религией, а не светскими учреждениями. По этой причине возникает ряд трудностей при заключении браков между представителями разных конфессий. Особенно остро эта ситуация стала чувствоваться в 1990-е гг., когда более 900 тыс. евреев и членов их семей иммигрировали в Израиль. За последние 30 лет русскоговорящая иудейская община стала неотъемлемой частью израильской этноязыковой мозаики, при этом она сохранила свои особенности, в том числе взгляды на гендерные проблемы, систему семейных ценностей, а также возможный отказ от родительства. Цель статьи – показать взаимоотношения старшего и младшего поколения репатриантов в условиях позднего материнства и изменений семейно-брачных стратегий, которые произошли

уже под влиянием израильской культуры. Всё многообразие идентичностей порой приводит к поколенческому конфликту, который связан с подходом к деторождению и системе ответственности в семейных отношениях, а также с нежеланием некоторых членов социума заводить детей, то есть чайлдфри.

В традиционных обществах материнство и контроль рождаемости рассматривались только через патриархальные установки: во-первых, во главу угла ставилась необходимость продолжения рода в отдельной семье; во-вторых, ценность деторождения связывалась с тенденцией увеличения количественных показателей населения страны для расширения сети налогоплательщиков, армии. С развитием индустриализации, урбанизации и переходом от большой традиционной семьи к нуклеарной модели происходит переосмысление гендерных ролей в семейно-брачных отношениях. С развитием медицины и доступностью средств контрацепции у женщин появляется возможность контролировать деторождение и количество детей. Эта опция меняет отношение к самому родительству и наличию потомства. Постепенно функции, которые женщина должна выполнять как мать, изменяются под влиянием множества факторов и наполняются иными смыслами. Если ранее неизбежность зачатия способствовала формированию невысоких требований от матери, в ее задачи входило в основном питание и забота о здоровье малыша. Появление доступной контрацепции привело к повышению ответственности матери перед ребенком, так как рождение стало считаться личным и осознанным выбором женщины. Хотя средства предохранения доступны далеко не всем. Однако запланированное родительство, которое считается в развитых странах нормой, способствовало трансформации требований, предъявляемых к матери. Развились интенсивные формы материнства, которые помимо заботы о здоровье и питании ребенка включали ранние формы его развития, посещение многочисленных кружков, репетиторов.

Наиболее радикальные изменения в жизни женщин стали заметны уже к концу XVIII в. в некоторых странах, где бурно развивалась экономика, способствовавшая установлению более четкой границы между публичной и частной сторонами жизни. Работа перешла из ремесленной и домашней сферы в общественную: на заводы, в офисы и т.д., тогда как частная жизнь стала считаться приватной терри-

торией, где женщина выступила прежде всего, как хранительница домашнего очага, заботящаяся о муже, детях, престарелых родственниках. Отчасти она была исключена из производственных отношений в связи с высокой конкуренцией на рынке труда в это время. Именно тогда стали раздаваться первые «мужские голоса», говорящие о том, что женщинам необходимо дать образование, конечно, не для эмансипации и освобождения от домашних обязанностей, а для повышения качества воспитания собственных детей. Поэтому необходимо, чтобы женщины занимались детьми и оставались «самым приятным развлечением для мужа». Руссо пишет, что женщины должны взять на себя заботу о детях и их воспитание, а из этого следует и необходимость получения женщинами образования, чтобы будущий гражданин обладал определенным культурным багажом [Руссо 1981, 127]. В некотором роде это был новый взгляд, который возвысил значимость функциональных задач матерей, с другой стороны, подобно своим предшественникам, Руссо считал, что «естественная» роль женщины – это пассивное подчинение мужу, отцу. В это же время появляются первые труды женщин, которые не оспаривают необходимость рождения детей, но пытаются доказать, что гендерное равенство будет способствовать полноценному развитию общества. В своей работе «В защиту прав женщины» Мэри Уолстонкрафт утверждает, что женщины не должны забывать о привязанностях и обязанностях, которые лежат перед ними и являются, по правде говоря, средством, предназначенным для рождения детей, но приходит к заключению, что равные права между полами необходимы [Wollstonecraft 2009, 18]. Первые суфражистки, феминистки могли рассматривать брак как форму порабощения женщины, но появление детей считали неотъемлемой частью развития и взросления. Мало кто из женщин публично мог заявить о своем нежелании иметь детей. Более того, даже знаменитая анархистка Эмма Гольдман, отказавшись от материнства, чтобы бороться за свои идеалы, сокрушалась, что она не родила детей, так как боялась не сохранить баланс между ролью хорошей матери и борца за права угнетенных классов [Гольдман 2015, 80].

Возникшее в начале XX в. стремление женщин контролировать рождаемость привело к тому, что в 1960-е гг. в странах Западной Европы, США произошла сексуальная революция, а вместе с тем

развернулась борьба за свободу распоряжаться своим телом, прежде всего за право на прерывание беременности. В это время происходит переосмысление материнства как неотъемлемой составляющей «женственности». Особую остроту движению придавали политические, студенческие демонстрации 1960-х гг., в которых женщинам отводилась роль спутниц, а не активисток. Поэтому знаменитая феминистка еврейского происхождения Бетти Фридан в 1966 г. основала «Национальную женскую организацию» (NOW), которая выступила за гендерное равенство. В уставе организации объяснялось, что любая женщина вольна сама определять, рожать ей детей или нет. Параллельно с группой Фридан образовалось множество небольших сообществ, которые предпочитали собираться малыми группами, так как считали, что NOW не отражает их общественно-политических интересов, именно таким образом появились феминистские кружки, открыто заявляющие, что они отказываются от деторождения по идеологическим соображениям.

Сам термин «чайлдфри» (англ. *childfree*) ориентировочно появился в 60-е гг. XX в. Вероятно, широко термин стал употребляться в противовес понятию «чайлдхейт» ('ненавидящие детей', англ. *child-hate*), которое в самой формулировке несло негативное отношение к детям. Женщины или мужчины, решившие отказаться от родительства, заявили, что общество и правительство диктуют им необходимость приумножить население в каждой отдельной стране, и тем самым они дискриминируют людей, решивших отказаться от деторождения. В публицистику термин *childfree* привнесла Лесли Лафайет, которая была одной из участниц американской организации «Национальная организация неродителей» (National Organization for Non-Parents). В своей книге «Почему у вас нет детей? Живите полной жизнью без родительских обязанностей» она утверждала, что чайлдфри подвергаются дискриминации со стороны традиционных семей с детьми, так как вся система налогообложения, направленная на развитие инфраструктуры городов, повышение благоустройства районов, возведение и наполнение развлекательных центров, удовлетворяет интересы только налогоплательщиков-родителей с детьми. Тем самым государство сокращает пространство для комфортного существования «одинок», которые также являются налогоплательщиками, как и граждане с детьми [Lafayette 1995, 68]. В феминист-

ский и академический обиход термин «чайлдфри» вошел в 1980 г., когда профессор из Канады Джейн Виверс выпустила монографию «Бездетная по собственному выбору» [Veever's 1980], в которой составила классификацию чайлдфри. Их она поделила на «реджекторов» (в принципе, ничем особо не отличающихся от ненавидящих детей) и «афексьонадо» (привязанных к личному пространству и желающих сохранить комфортный образ жизни, сопровождаемый заботой только о себе и своих близких, исключая возможных детей). Стоит обратить внимание, что Виверс предлагает данную классификацию на основе количественных социологических опросов, проведенных в Северной Америке в 1970-е гг. Как известно, это время всплеска студенческой борьбы с традиционными ценностями, рост движения хиппи, выступавших за свободную любовь и доступную контрацепцию. Вопрос деторождения и его необходимости находится на грани пересечения личного выбора и государственного давления, когда женское тело рассматривается как объект, а возможность материнства – как гражданский долг перед государством.

В 1980-е гг. тема чайлдфри выходит на другой уровень: если десятилетием ранее нежелание иметь детей все-таки воспринималось как девиация, то в 1980–1990-е гг. происходит процесс переосмысления бездетности. Родительство рассматривается как многообразие стратегий и возможностей для каждого отдельного человека [Berkowitz 2007; Bloom, Pebley 1982; Burgwyn 1983] Уже в 2000-е гг. ученые в многочисленных исследованиях пытаются обозначить границы между чайлдфри и другими формами отношения к материнству и родительству. Натали Роуз в книге «Все что мне нужно: выбор бездетности» утверждает, что людям, отказавшимся от родительства, нужны единомышленники, которые бы поддерживали их, так как большинство в обществе не понимает, что их выбор является осознанным [Rose N. 2019] Наиболее авторитетная представительница и идеолог движения чайлдфри на сегодняшний момент – это исследовательница Лаура Кэрролл, автор пяти книг и ряда научных публикаций, посвященных отказу от родительства; она также известна как активистка, отстаивающая право на чайлдфри и борющаяся с дискриминацией людей, настроенных против рождения детей [Carroll 2000; Carroll 2012; etc.].

Что касается Израиля, здесь первые публичные сообщества, открыто заявляющие, что они выбрали для себя отказ от родительства, появились лишь в 2000-е гг. Прежде всего это связано с тем, что феминизм как общественно-политическое движение получил здесь бурное развитие позже, чем в странах Западной Европы и США. Развитие женских / гендерных исследований в Израиле пришлось на 1970-е гг. В это время в стране появились первые феминистские группы, в которых в первую очередь поднимались вопросы о бытовом насилии, дискриминации женщин, ЛГБТ сообществах, квир-группах. Понимание того, что тело женщины – это не инструмент для сохранения еврейского большинства, а материнство – не гражданский долг перед нацией, являлось скорее маргинальным взглядом даже среди феминисток. Израиль прочно занимает первое место по уровню рождаемости среди стран с развитой экономикой, что обусловлено рядом причин социокультурного характера, а также ограничением на прерывание беременности, бесплатным финансированием лечения бесплодия и ЭКО-зачатия. В 2017 г. в среднем на одну еврейскую семью приходилось 3,1 ребенка¹. Причем если сравнить в динамике число детей в еврейском и арабском секторах, то мы увидим, что у арабов происходит снижение темпов рождаемости в отдельной семье. На семьи русскоговорящих граждан, согласно статистике, приходится около 1,7 ребенка². Намечившаяся динамика повышения рождаемости среди русских олим в последние годы связана с интеграцией так называемого полуторного поколения³, которое благодаря армии, учебным заведениям, работе ориентируется на израильский образ жизни, но при этом сохраняет влияние элементов советской системы воспитания. После переезда репатрианты сталкиваются с тем, что в Израиле поддерживается культ детей, поэтому люди, отказавшиеся от материнства или отцовства, зачастую вынуждены скрывать свое решение. Страна, которая на протяжении всей своей истории борется за сохранение еврейского большинства, формирует «заказ» на постоянное увеличение рождаемости. В Советском

---

¹ Central Bureau of Statistics 2017 – Central Bureau of Statistics. 23.06.2018. <https://www.cbs.gov.il/he/pages/default.aspx>.

² Ibid.

³ Полуторное поколение – репатрианты, приехавшие в Израиль в детском или подростковом возрасте.

Союзе с 1960-х гг. происходил обратный процесс: количество детей в семье сокращалось, так как социальные функции государства носили скорее декларативный характер. Поэтому евреи, проживавшие в СССР, как и другие граждане страны, планировали одного, максимум двух детей. Многодетность среди евреев встречалась, но достаточно редко. Для сохранения экономического баланса было необходимо, чтобы и женщины, и мужчины работали, а дети зачастую оставались на попечении бабушек. Именно поэтому советские еврейские бабушки, если переезжали со своими детьми в Израиль, становились опорой для новых репатриантов.

Возвращаясь к вопросам родительства в израильском обществе, стоит отметить, что в последние годы при достаточной развитости различных феминистских кружков, академических программ по гендерным исследованиям израильская историография все еще весьма скромна. Среди немногочисленных работ по данной теме можно назвать ряд статей профессора Бар-Иланского университета Л. Ременик [Remennick 2014; Khvorostianov, Remennick 2015], а также две крупные работы профессора Орны Донат, посвященные непосредственно чайлдфри, одна из которых вышла в 2011 г. [Donath 2011], а вторая (о нежелательном материнстве) – в 2017 г. [Donath 2017]. В последней собраны интервью с женщинами, родившими детей, но сожалевшими о сохранении беременности. Эти две книги стали поводом для многочисленных открытых дебатов и для создания публичных групп чайлдфри как в социальных сетях на иврите, так и в офлайн-сообществах. Данная дискуссия фактически не затронула русскоговорящую общину поколения старше 40 лет, не считая узкой группы людей, интересующихся феминизмом или гендерной проблематикой. В ходе исследования, проведенного автором в 2013 г., из всех информантов старше 40 лет о книге Орны Донат слышала лишь одна женщина, у которой подруга дочери училась в магистратуре Тель-Авивского университета по программе «Гендерные исследования». Это связано прежде всего с тем, что презентация книги происходила в израильских СМИ и не была затронута русскоязычной прессой и телевидением, к которому традиционно обращаются русскоязычные репатрианты.

Однако полуторное поколение репатриантов, приехавшее в страну в детском возрасте, достигшее возраста возможного вступления

в брак, находится в трудном положении, так как, с одной стороны, родители, оставаясь частично под влиянием советских / российских стереотипов, оказывают давление на своих детей, убеждая их в необходимости рождения ребенка до 30 лет, а с другой стороны, израильское общество, где средний возраст женщины при рождении первого ребенка – 27 лет, вынуждает потенциальных родителей задуматься о необходимости рождения детей. В ортодоксальном иудейском секторе средний возраст рождения первого ребенка значительно ниже – 24 года, однако этот показатель всё же выше, чем в СССР и России: в СССР он составлял 22 года⁴, а к 1998 г. в России – 23 года⁵. Постепенно ситуация меняется, средний возраст увеличивается: на данный момент в Российской Федерации это 26 лет [Демоскоп 2019]. Таким образом, по средним показателям русскоговорящая община оказывается ближе к религиозному сектору, чем к светской части израильского общества. Хотя показатели количества детей в русской еврейской общине страны ниже, чем средние показатели по стране (три ребенка на одно домохозяйство в целом по стране). Все эти данные важны для понимания, что поколение советских граждан, как правило вступивших в брак до 25 лет, родивших детей вскоре после этого, не понимает и не принимает выбор собственных детей, решивших осознанно отказаться от родительства. Столкновение мнений вызывает конфликты внутри семьи, а порой приводит к ослаблению или потере эмоциональных связей между ближайшими родственниками. Например, информантка Дина (33 года), проживающая в Хайфе, в 2013 г. говорила: «Я не могу сказать своим родителям, что я не решаюсь заводить детей, потому что в этой роли мне сложно представить себя. Я слишком другая, у меня столько планов» (ПМА 1/3 2013).

Повторное интервью, проведенное в 2018 г., показало, что Дина живет в другой стране и свела общение с родителями к формальным поздравлениям по телефону и редким визитам домой. Встречи с семьей чаще происходят на нейтральной территории. Она говорит (38 лет): «Это стена, стена непонимания. Да, мне тридцать семь лет, я открыто выступаю за свое право быть чайлдфри, но они давят на меня. В редкие встречи мы напряжены. Мама подчеркивает, что

⁴ Седьмой ежегодный демографический доклад. Население России 1998, табл. 2.4.

⁵ Седьмой ежегодный демографический доклад. Население России 1998. С. 26.

в этом возрасте у неё было уже двое детей-подростков» (ПМА 2/3 2018).

Если в первую экспедицию (в 2013 г.) были проведены не только качественные интервью, но и опросы общественного мнения, то в 2018 г. задача стояла в том, чтобы провести расширенные повторные интервью, чтобы проследить динамику развития взаимоотношений между поколениями за пять лет. При этом особое внимание было уделено полуторному поколению, которое не отступило от своих принципов бездетности. Был задан ряд вопросов, связанных непосредственно с отношением к ним не только родственников и друзей в Израиле, но и в странах исхода, если сохранялись родственные или дружеские связи. Всего было проведено 16 глубинных интервью с членами трех семей, две из которых связаны родственными узами, две семьи из Большой алии, а третья из алии 2000-х гг. В каждой из этих семей оказались представители младшего поколения, которые открыто заявляли, что их осознанный выбор – не рожать детей, биологическим бесплодием они не страдали. Молодые люди объявили о своем решении отказаться от родительства как своим отцам и матерям, так и окружающим их друзьям. Понимания в том объеме, на который рассчитывали, они не получили ни со стороны израильских, ни со стороны российских родственников.

Чайлдфри как форма самоидентификации остается сложной темой для «русской улицы», особенно для старшего поколения. Если человек открыто заявляет, что он не планирует заводить детей, это считается инфантилизмом и эгоизмом. По поводу своей дочери житель Тель-Авива Илья (55 лет) в 2013 г. говорил: «Мы ещё надеемся, что она передумает, что это мода сейчас такая. Ей уже 32 года. Все учится, учится. Чем она думает!!! Годы идут, а мы бы и помогли. Мать ей говорит, роди и нам внучка отдай» (ПМА 1/6 2013). Эта же семья, спустя пять лет. Супруга Ильи (57 лет):

Да мы уже не ждём, только у моей сестры в Ейске, уже двое внуков, мамаш⁶ какие хорошенькие [вздыхает]. Я надеялась, что встретит хорошего парня, выйдет замуж. Но нет, пока не спешат, вот и муж вроде бы хороший [дочь состоит в гражданском браке, так как гражданский муж не является галахическим евреем. – Л.Д.], но вечно им некогда, вечно

---

⁶ *Мамаш* (иврит) – ‘очень’, ‘на самом деле’.

у них дела какие. А мне что? Мы с отцом так внуков не увидим. Это всё бабушкино воспитание! Мне некогда было, я в институте инженером работала. Её моя мама баловала, вечно ей рассказывала, какая она принцесса (ПМА 2/5 2018).

Безусловно, отношение потенциальных родителей к отказу от рождения детей определяет множество факторов. Одним из них является тот факт, что в Израиле действительно самые высокие показатели количества детей в одной семье (столь высокая цифра определяется религиозным сектором, где на одну семью приходится в среднем семь детей)⁷. Однако немаловажную роль играет и сама форма межличностных коммуникаций в израильском обществе: личные границы часто нарушаются не только близкими родственниками, но и коллегами, соседями и даже случайными попутчиками, что зачастую становится проблемой для чайлдфри, которые выбрали для себя особую социальную модель. Традиционно материнство воспринимается как дар, в светском обществе подчеркивается, что женщина может состояться как профессионал, а потом родить ребенка. Поэтому полуторное поколение русскоговорящих репатриантов более прагматично относится к рождению детей и не исключает возможности быть «афексьонадо», то есть теми, кто осознанно хочет сохранить уровень собственного комфорта, считая, что дети нарушат их быт.

Информантка Анна (38 лет) репатрировалась в Израиль в четыре года, г. Хайфа:

Я уверена в себе, я хочу быть хозяйкой своей жизни, у меня столько планов. Мы с мужем решили, что мы слишком много хотим, а ребёнок затормозит наши планы. Но если моя мама на моей стороне, она уже смирилась [смеется], то папа – нет, ему нужны внуки. [Вы предполагаете, что вы можете передумать?] Ну, чисто теоретически, но вряд ли [задумалась, небольшая пауза]. Нет, я ещё более убеждена, что не хочу менять свою жизнь, я получаю удовольствие от себя и своего партнёра, мне кажется, кто-то третий разрушит гармонию между нами (ПМА 1/7 2013).

В интервью спустя пять лет Анна сообщила:

[Как поживает ваш отец?] [Информантка смеется:] Меня отчасти спас мой брат, у него уже трое, и папа почти отстал от меня. Я очень

---

⁷ Israel Democracy Institute. 16.07.2019. <https://en.idi.org.il/tags-en/1470>.

люблю своих племянников, но смотря на них со стороны... нет... я буду только тётушкой. Это мой осознанный выбор. Не думаю, что он уже изменится (ПМА 1/7 2018).

В отличие от алии 1970-х гг. репатрианты постсоветского периода получили возможность находиться между «двумя мирами», так как с распадом СССР стало легче приезжать с гостевыми визитами к ближайшим родственникам. С начала 2000-х гг. с развитием и доступностью Интернета стремительно развивается связь через социальные сети, общение посредством видео, через WhatsApp или Viber. В результате старшие родственники, проживающие в Израиле, сделались активными пользователями русскоязычных социальных сетей и обнаружили, что дети их друзей и родственников продолжают вступать в более ранние браки, а социальный статус бабушки становится одним из основных для самореализации женщин после 60 лет. Хотя в отличие от пожилых жителей постсоветского пространства русскоговорящие граждане Израиля достаточно мобильны и имеют материальную возможность путешествовать чаще, чем, например, среднестатистический российский пенсионер, для алии 1990-х гг. характерно представление о появлении внуков как подтверждении успешности собственных детей. Впрочем, исследовательница С. Фогель-Биджо считает, что институт «советских бабушек» в скором времени уйдет в прошлое, так как израильская практика начнет превалировать над советской благодаря влиянию европейской модели взаимодействия между поколениями [Fogiel-Bijaoui 2013, 736].

Александр (57 лет), житель г. Хайфы, дочери 36 лет, иметь детей она не собирается:

Вот я смотрю на российских девушек с детьми, они более взрослые, более зрелые, что ли. Это вообще особенность, моя дочь такая инфантильная. Хотя, мы её в строгости воспитывали, она же получила хорошее образование, мы не шли у наших детей на поводу, как многие родители в Израиле. Я заставлял своих детей читать Пушкина, Булгакова, Чехова. Мне хотелось, чтобы она развивалась как разносторонняя личность (ПМА 1/12 2013).

Характерно, что нежелание дочери иметь детей Александр объясняет инфантилизмом, хотя дочь состоялась в профессиональном

плане, занимает лидирующие позиции в одной из международных компаний, обладает финансовой независимостью. С Натальей, дочерью Александра, также состоялось две встречи – в 2013 и в 2018 гг. Она призналась, что непонимание со стороны отца делает ее очень уязвимой. Но куда больше ей не нравится вмешательство в ее личную жизнь посторонних людей. Причем в 2013 г., в первом интервью, она ничего подобного не упоминала. Видимо, это было связано с возрастом и с тем, что в то время она была еще не замужем. Замужество является безусловным катализатором, так как обычно молодые люди из светской части израильского общества не спешат вступать в брак. Все опрошенные информанты, которые отказались от рождения детей, находились в отношениях или состояли в браке, где партнеры не настаивали на обязательном рождении детей. Данная выборка была сделана преднамеренно, так как целью исследования было показать трансформацию отношения к родительству и материнству в разных поколениях одной семьи.

Следующий информант – Михаил из Хайфы, на момент интервью ему было 37 лет (ПМА 2/9 2018), приехал в страну по молодежной программе (МАСА) и в дальнейшем остался жить в Израиле. Его родители репатрировались в страну в 2000-х гг. Долгая разлука с сыном заставила их быть лояльней к его выбору, мать (Роза, 62 года) признается: «...я даже в детский сад устроилась работать, чтобы, раз внуков не будет, хоть детишек помянчить, так как его не переубедить...» (ПМА 2/8 2018).

Таким образом, родители пытаются показать свое якобы принятие выбора сына, но акцентируют внимание на том, что им не хватает внуков, – это является распространенной моделью взаимоотношений между детьми и родителями. Однако «фактор бабушек и дедушек» в алии 90-х ощущался, пожалуй, острее, чем даже в Советском Союзе. Многие евреи пытались уехать всей семьей, порой именно старшее поколение давало право на возвращение представителям смешанных браков, а в первые годы обустройства на новом месте часто именно его пенсии помогали выжить новым олим. Однако были и такие репатрианты, которые переезжали с детьми без пожилых родственников; в этих случаях маленькие дети были вынуждены быстрее интегрироваться в систему израильского образования, так как некому было «страховать» работающих родителей. В русско-

язычной среде Израиля до сих пор остается стереотип, что дети – символический капитал, что и продемонстрировала алия 90-х гг. созданием сети школ Мофет – частных «русских» детских садов и различных кружков. Один из информантов рассказывал: «Я учитель истории, приехал в 90-е, работал на трёх работах и вот купил дочке дорожущее платье на Пурим, привёл её в школу. И что я увидел! Что детей сажают прямо на поле, где проходило представление!!!!!! Мне тогда казалось это такой расхлябанностью...» (ПМА 1/6 2013).

Сложность выявления людей, придерживающихся позиции чайлдфри, заключается в их стигматизации в сообществе, поэтому в социальных сетях стали появляться группы свободных от детей, так как в реальной жизни зачастую они вынуждены скрывать свои убеждения. Русскоговорящих израильских групп несколько, но они не особо активны, например существует «Сообщество русскоязычных чайлдфри»⁸; также на многочисленных русскоязычных форумах стали создавать темы-обсуждения, где разгораются бурные дискуссии о праве выбора, о материнстве, о долге перед нацией. Чайлдфри как стратегия построения личного пространства до сих пор как в израильском, так и на постсоветском пространстве воспринимается как отклонение от нормы, потому что сохранение «естественности» и необходимости материнства считается одной из основных форм самоидентификации женщины. Причем если в Израиле это связано с арабо-израильским конфликтом и включенностью как женщин, так и мужчин в милитаристский дискурс, то в России это обусловлено сокращением прироста населения и борьбой за выход из так называемой демографической ямы 1990-х гг. Парадокс заключается в том, что данный демографический спад связан не только с экономическим кризисом и снижением уровня жизни в странах бывшего СССР, но и с фактором эмиграции огромного количества молодых высококвалифицированных кадров, которые на данный момент проживают на территории таких стран, как Израиль, США, Германия и др., составляя большие русские и еврейские сообщества.

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на успешную интеграцию русскоговорящих евреев в израильское общество, которая выражена в размывании границ проживания «русской алии», в транс-

---

⁸ Сообщество русскоязычных чайлдфри. Форум-обсуждение 2019 // 03.01.2019 <https://ru-childfree.livejournal.com/325187.html>.

формации гендерных ролей, когда мужчины всё чаще становятся полноправными субъектами в решении бытовых задач, оказываются включены в воспитание собственных детей больше, чем их собственные отцы, остается неизменной ориентация на собственный опыт, который считается эталоном в семейно-брачных отношениях. Собственная модель семейных отношений развивается и под влиянием русскоязычных СМИ, которые в изобилии представлены на израильском медийном рынке, где различные ток-шоу, сериалы транслируют патриархальную модель взаимоотношений между женщиной и мужчиной, в том числе необходимость родительства и т.п. Но и старшее поколение советских евреев, и члены их семей, если сохраняют тесные взаимосвязи со страной исхода, продолжают считать, что рождение внуков повышает их социальный статус. В израильском обществе материнство и отцовство также поддерживается как политическим, так и социальным дискурсом, что приводит к стигматизации групп населения, которые бесплодны как по биологическим, так и по иным причинам.

Литература и источники

- Гольдман 2015 – *Гольдман Э.* Проживая свою жизнь. Т. 1. М.: Радикальная теория и практика, 2015. 382 с.
- Демоскоп 2019 – Демоскоп. Демографические итоги 1 полугодия 2019 г. 12.11.2019 http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0823/barom05.php#_ftn14.
- ПМА 1 2013 – Полевой материал автора – экспедиция 2013 г. (г. Герцлия, г. Иерусалим, г. Хайфа, г. Тель-Авив).
- ПМА 2 2018 – Полевой материал автора – экспедиция 2018 г. (г. Герцлия, г. Иерусалим, г. Хайфа, г. Тель-Авив).
- Руссо 1981 – *Руссо Ж.Ж.* Педагогические сочинения. Эмиль, или о воспитании. Т. 1. М.: Педагогика, 1981. 656 с.
- Berkowitz 2007 – *Berkowitz D.* A Sociohistorical Analysis of Gay Men’s Procreative Consciousness // *Journal of GLBT Family Studies*. 2007. Vol. 3. P. 157–190.
- Bloom, Pebley 1982 – *Bloom D.E., Pebley A.R.* Voluntary Childlessness: A Review of the Evidence and Implications // *Population Research and Policy Review*. 1982. № 1. P. 203–224.
- Burgwyn 1983 – *Burgwyn D.* Marriage Without Children. New York, 1983. 234 p.
- Carroll 2000 – *Carroll L.* Families of Two: Interviews with Happily Married Couples Without Children by Choice. Indiana: Xlibris Corporation, 2012. 200 p.

- Carroll 2012 – *Carroll L.* The Baby Matrix: Why Freeing Our Minds From Outmoded Thinking About Parenthood & Reproduction Will Create a Better World. Gloucester: Reusebook, 2012. 175 p.
- Donath 2011 – *Donath O.* Making a Choice: Being Childfree in Israel. Tel-Aviv: Miskal Yedioth Ahronoth, 2011. 266 p. [Hebrew].
- Donath 2017 – *Donath O.* Regretting Motherhood: A Study. California: North Atlantic Books, 2017. 272 p.
- Fogiel-Bijaoui 2013 – *Fogiel-Bijaoui S.* Babushka in the Holy Land: Being a Russian-Israeli Grandmother in Israel Today // *Comparative Family Studies*. Vol. XLIV. 2013. № 6 (November-December). P. 725–739.
- Khvorostianov, Remennick 2015 – *Khvorostianov N., Remennick L.* Immigration and Generational Solidarity: Elderly Soviet Immigrants and Their Adult Children in Israel // *Journal of Intergenerational Relationships*. Vol. 13. 2015. P. 34–50.
- Lafayette 1995 – *Lafayette L.* Why Don't You Have Kids?: Living a Full Life Without Parenthood. New York: Kensington Books, 1995. 312 p.
- Remennick 2014 – *Remennick L.* “We Do Not Own Our Children”: Transformation of Parental Attitudes and Practices in Two Generations of Russian Israelis // *Journal of International Migration and Integration*. 2014. № 16 (2). P. 355–376.
- Rose 2019 – *Rose N.* All That I Need: Childless by Choice (Living Diversity). Sidney: Kindel, 2019. 78 p.
- Veevers 1980 – *Veevers J.E.* Childless by choice. Toronto: Butterworths, 1980. 220 p.
- Wollstonecraft 2009 – *Wollstonecraft M.* A Vindication of the Rights of Woman. Oxford: Oxford University Press, 2009. 413 p.

“When to Give Birth?”: Childfree’s Question and “Later” Motherhood in Russian-Speaking Families in Israel

Liubov Deryabkin

Kuban state University, Krasnodar, Russia

The Graduate student of Faculty of History,
Sociology and International Relations of Kuban state University

ORCID: 0000-0003-3403-9264

Kuban state University

Stavropolskaya st., 149, Krasnodar, 350040, Russia

Tel.: +7(861)219-95-56

E-mail: deryabkina.liubov@gmail.com

Summary: The article will focus on the study of the childfree phenomenon in the Russian-speaking community of Israel. The decision to opt out of parenthood is a very personal topic that requires both monitoring and establishing a trusting relationship with informants. Therefore, the main task was to conduct a study among three or two generations of individual families and try to determine what factors may have influenced the decision to have or not have children (both in the social field of the countries of Exodus and Israel). The next task was to identify possible changes that occur with the older generation when their own children prefer later parenthood, or refuse to give birth at all.

Keywords: *gender, childfree, Israel, feminism, community*

References:

- Berkowitz, D., 2007, A Sociohistorical Analysis of Gay Men's Procreative Consciousness. *Journal of GLBT Family Studies*, 3, 157–190.
- Bloom, D.E., and A.R. Pebley, 1982, Voluntary Childlessness: A Review of the Evidence and Implications. *Population Research and Policy Review*, 1, 203–224.
- Fogiel-Bijaoui, S., 2013, Babushka in the Holy Land: Being a Russian-Israeli Grandmother in Israel Today. *Comparative Family Studies*, 6, 725–739.
- Khvorostianov, N., and L. Remennick, 2015, Immigration and Generational Solidarity: Elderly Soviet Immigrants and Their Adult Children in Israel. *Journal of Intergenerational Relationships*, 13, 34–50.
- Remennick, L., 2014, “We Do Not Own Our Children”: Transformation of Parental Attitudes and Practices in Two Generations of Russian Israelis. *Journal of International Migration and Integration*, 16 (2), 355–376.